

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ЕС?

НИКОЛАЙ ГНАТЮК

Национальный университет «Киево–Могилянская академия», Киев, Украина

Резюме

Способность ЕС активно взаимодействовать с другими игроками на мировой арене и уникальные особенности его поведения обуславливают потребность исследования его субъектности. Поскольку в научной литературе отсутствует консенсус в оценках Евросоюза как международного игрока, в статье проводится анализ ключевых теоретических предпосылок концептуальной фиксации такого статуса. Вопрос политической субъектности Евросоюза принадлежит к ключевым проблемным темам современных теорий международных отношений. Реалистская интерпретация отрицает представление о ЕС как о самостоятельном международно-политическом субъекте, поскольку он лишен традиционных атрибутов государства и в первую очередь наличия собственных вооруженных сил. Как следствие, ЕС классифицируется как некая институциональная рамочная конструкция, которая препятствует возникновению конфликта между европейскими странами и дает возможность проецировать их мощь вовне. Последующее становление ЕС как субъекта международных отношений будет зависеть от процессов политической унификации входящих в него единиц. Если процесс дальнейшей централизации окажется успешным, то он может привести к формированию подобия полноценной государственной структуры. Вместе с тем при сохранении нынешних институциональных форм ЕС будет обречен совмещать статус международной организации с характеристиками международного режима и политического союза, имея лишь ограниченный уровень автономности в сферах делегированных полномочий. Представители неолиберального подхода отмечают, что уже сейчас ЕС способен существенно влиять на политические процессы и даже менять характер межгосударственных отношений. Наиболее важным следствием его деятельности становится изменение способа определения национальных интересов. Несмотря на то, что система сотрудничества в рамках ЕС не может преодолеть международную анархию, она предоставляет возможности и побуждает реализовывать совместные интересы, превращая интеграционное объединение в мощного мирового политического и экономического игрока. Этому процессу способствует необходимость противодействия политическим вызовам в условиях глобализации и прежде всего задача повышения глобальной конкурентоспособности входящих в ЕС исторических великих держав. Формирование в ЕС общей системы ценностей, лояльности и форм коллективной идентичности приводит к тому, что абсолютный контроль национального начала над эволюцией ЕС постепенно размывается. Для многих представителей конструктивистского подхода политическая структура ЕС может быть сравнима с государственной и является ее постмодерной, то есть постсовременной формой. Как показывают результаты анализа, трудности и различия в определении международной политической субъектности связаны в первую очередь с одномерной трактовкой взаимосвязи структуры международной системы и ее элементов. Выходом из сложившегося теоретического тупика в установлении мирополитической роли ЕС может стать признание онтологического равенства интерпретаций, что даст возможность отказаться от априорного отождествления политического игрока с государством и преодолеть дихотомию «государство – международная организация» в осмыслении места ЕС в международной системе.

Ключевые слова:

Европейский Союз; субъект международных отношений; политическая субъектность; реализм; либерализм; социальный конструктивизм.

Наличие политической субъектности Европейского Союза по-прежнему остается предметом исследовательских дискуссий. Представители различных парадигм теории международных отношений (ТМО) высказывают несовместимые точки зрения по этому вопросу. В силу очевидных особенностей политической организации, ЕС трудно уподобить традиционным участникам международного взаимодействия. Европейский Союз лишен многих привычных атрибутов государственности и, будучи продуктом межгосударственного сотрудничества, формально попадает в категорию международных межправительственных организаций (ММПО). Вместе с тем структура и особый мандат наднациональных институтов ЕС дают ему возможность действовать автономно в значительно более широком спектре поведенческих вариантов и тематических сфер, чем могут себе позволить обычные международные организации.

Понимание природы субъектов мировой политики составляет существенный и один из наиболее дискутируемых аспектов теоретического дискурса нашей дисциплины. Вместе с тем истоком этих противоречий выступает прежде всего разница в интерпретации закономерностей функционирования самой международной системы. Между представителями разных направлений ТМО сохраняются непримиримые различия в толковании ключевых принципов и характеристик международной среды, в которой действуют субъекты мирового политического процесса. Поскольку концептуализация параметров взаимодействия между основными участниками международных отношений формирует исходные принципы построения теоретического подхода как такового, постольку и центральные парадигмы международных отношений — реализм, либерализм и социальный конструктивизм — имеют существенные расхождения в осмыслении сущности и роли участников мировой политики.

Европейские исследования, будучи субдисциплиной международно-политиче-

ской науки, в полной мере испытали на себе последствия незавершенности ее дисциплинарного синтеза. В научной литературе представлен широкий спектр оценок способности ЕС действовать на международной арене. С одной стороны, имеют место авторитетные сентенции, полностью отрицающие саму эту способность — например, Х. Булл указывал, что в связи с отсутствием ключевой характеристики политической субъектности — наличия военной силы — ЕС не может рассматриваться как субъект международных отношений [Bull 1982]. С другой — ряд авторов признают за ним статус полюса мировой политической системы [McCormick 2007] или даже статус постсовременного государства [Ruggie 1993].

Следует учитывать, что формулируя критерии политической субъектности, основные парадигмы международных отношений сосредоточивались на межгосударственном взаимодействии и государстве как системообразующем субъекте. Но в возникающей вследствие этого дихотомии «государство — международная организация» задача определения места ЕС в реальной мировой системе не упрощается, а, наоборот, становится более проблематичной. Европейский Союз, будучи интеграционным — то есть «интегрирующим» — образованием, содействует изменению традиционных внутренних и международных политических структур входящих в него государств, всячески преодолевая и архайзируя эту дихотомию и бросая вызов принципам, на которых сформирована современная межгосударственная система и ее многочисленные теоретические интерпретации.

В статье предпринята попытка не столько подвести итог продолжающимся спорам между представителями основных теоретических парадигм в международно-политических исследованиях, сколько выявить сопряженные с существующими классификациями проблемы. В свою очередь, выяснение и разграничение подходов к концептуализации ЕС как международного субъекта обогащает традиционное понима-

ние принципов построения системы международных отношений, природы политического игрока и сущности международной политической субъектности как таковой.

1

Исходным пунктом концептуализации Европейского Союза выступает понятие интеграции. Представители *реализма* подходят к его определению, исходя из присущего этой парадигме нациецентричного и конкурентного восприятия международной среды. Под **интеграцией** в их мировидении понимается *«процесс обоюдной эксплуатации, в рамках которого правительства хотят мобилизовать и аккумулировать ресурсы соседних стран в интересах усиления своего могущества»* [Puchala 1972: 268]. Создание международных институтов в процессе межгосударственного взаимодействия рассматривается в первую очередь как форма силовой политики, а их основной задачей видится обеспечение национальных интересов государств-членов. Под понятием **«международный институт»** реалисты подразумевают *«структуру, созданную на основе договоренности двух или больше государств с целью осуществления регулярного политического взаимодействия»* [Jacobson 1984: 8].

В русле реалистского понимания становление европейских интеграционных структур следует рассматривать как производную динамики регионального и глобального измерений безопасности. На региональном уровне непосредственное влияние на становление ЕС имело развернувшееся глобальное военно-стратегическое противостояние сверхдержав и попытки мирной реинтеграции Западной Германии в сообщество евроатлантической солидарности, — задачи, представляющей ценность как раз в контексте всемирной политико-идеологической конфронтации [Grieco 1988]. С этой точки зрения наиболее важной составляющей европейского интеграционного процесса было создание институциональных рамок, которые сделали бы невозможным возрождение конфликтности между европейскими странами и позволили бы поддерживать в их среде требу-

емую в условиях «холодной войны» блоковую дисциплину.

Структуры Евросоюза оказались полезны в решении задачи вовлечения Германии в формирующуюся региональную подсистему, чего не удавалось сделать с помощью других механизмов. Как известно, до и после Первой мировой войны Франция старалась решить «германский вопрос», прибегая к стратегии баланса сил, окружая себя системой союзнических соглашений, которые помогли бы уравновесить влияние Берлина. Однако опыт двух мировых войн свидетельствовал, что эти традиционные механизмы сдерживания не срабатывали.

В той ситуации именно интеграция, по мнению одного из основоположников политического реализма Г. Моргентау, выступала действенной альтернативой традиционным методам борьбы с сильными государствами, давая возможность «взять Германию в свои руки» [Morgenthau 1948: 275]. Созданные структуры объединения, в отличие от традиционных механизмов поддержания силового равновесия, не только способствовали эффективному сдерживанию недавнего агрессора, но и помогали контролировать его перевооружение путем секторального сближения в рамках Европейского сообщества угля и стали (ЕОУС), а позже привели к формированию единого экономического и политического пространства государств-членов ЕС.

В контексте реалистской парадигмы интеграцию можно также рассматривать как стратегию мягкой гегемонии, с помощью которой ослабевшие региональные державы пытаются обеспечить свое влияние путем сотрудничества, а не доминирования [Pedersen 1998]. Одновременно создание институциональной структуры ЕС привело к относительной потере способности наиболее крупных региональных государств, например Франции и Германии, вернуться к великодержавному статусу в глобальном масштабе, но при этом гарантировало возможность участия в международных делах для небольших европейских стран.

Желание обеспечить безопасность играло одну из ключевых ролей в становлении

как первых интеграционных экономических институтов, так и политической надстройки в виде Европейского Союза в начале 1990-х годов. Д. Грико указывает, что углубление европейской экономической интеграции в 1960–1980-х годах и подписание Маастрихтского договора (1992), как и прежде, было продиктовано стремлением европейских стран сдерживать Германию, особенно на фоне обозначившегося движения к ее объединению [Grieco 1995: 34]. Достичь соглашения удалось благодаря тому, что «ни европейские страны полностью не доверяли Германии, ни немцы полностью не доверяли себе» [Art 1996: 24].

Интеграция между странами в случае ЕЭС/ЕС может, таким образом, рассматриваться как функция биполярного противостояния. Эта констатация подтверждает точку зрения представителей реалистов, полагающих, что экономическое сближение между государствами возможно, когда вопросы безопасности уходят на второй план, что позволяет отойти от традиционной модели «игры с нулевой суммой». Такая возможность для европейских стран возникла после изменения конфигурации мировой политической системы с многополярной на биполярную. Начало «холодной войны» означало уменьшение роли государств Западной Европы и смягчало условия анархии в региональной подсистеме, что открыло путь к созданию Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Бывшие великие государства и соперники: Великобритания, Франция, Италия и Германия «увидели, что между ними не возникает вопросов, которые могли бы решаться с помощью военной силы, и вскоре начали полагать войну невозможной» [Waltz 1979: 70].

Биполярная структура мировой системы имела непосредственное влияние на формирование блока западных стран во главе с США. Р. Гилпин вторит Уолтцу: когда одному из государств удастся создать порядок в подсистеме, так, как это удалось США в Западной Европе, становится возможным международное сотрудничество и даже интеграция [Gilpin 1981]. При наличии чет-

кой иерархии, когда сильная держава способна навязать свои интересы союзным странам, между ними почти не возникает субстантивных противоречий, особенно в сфере безопасности. Высокий уровень сотрудничества между европейскими странами также был обусловлен тем, что наличие доминирующего государства, в данном случае США, снижало вероятность получения дополнительных преимуществ отдельными европейскими странами, например Германией, и превращения их в военную угрозу [Mearsheimer 1990: 47].

Противостояние с СССР подталкивало Соединенные Штаты к увеличению потенциала союзников и их единства в сфере безопасности и обороны, поэтому поддерживались и стимулировались меры, целью которых было уменьшение конфликтов внутри альянса. Именно благодаря США на ранних этапах создания интеграционных структур удалось преодолеть ряд конфликтных ситуаций между Германией и Францией, что дало возможность «запустить» интеграционный процесс.

Представители реалистской парадигмы отмечают, что интеграция увеличивает, а не уменьшает силу национальных государств. Именно прагматическое осознание преимуществ интеграции в экономической и торговой сферах побуждают государства к созданию наднациональных структур и передаче им части суверенных полномочий [Sjursen 2005: 6]. В такой системе координат ЕС выступает как нейтральный агент, который лишь реализует преференции своих государств-членов. Вместе с тем выгоды от интеграции во внешнеполитической сфере и сфере безопасности на наднациональной основе для государств-членов ЕС довольно сомнительны, а сопряженные риски — реальны, поскольку под угрозой оказывается внешнеполитическая идентичность стран. Такое понимание процесса сближения означает, что политический субъект, возникающий как продукт интеграции, слаб и имеет ограниченные возможности для действия. Неделимость суверенитета в сфере «большой» (силовой) политики формирует основу для неполной международной дее-

способности ЕС и сохранение за его государствами-членами роли субъектов силового политики [Bull 1982: 164].

Акцент на том, что ЕС лишен военного компонента, а также тот факт, что он действует на основе делегированных государствами-членами полномочий, дает основание представителям реалистского подхода рассматривать его как международную организацию, подкрепленную другими формами межгосударственного сотрудничества, например политическим или валютным союзом. Создание Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) мало что по существу добавило ЕС, кроме институционализации механизма координации внешних политик его государств-членов. Конституционная неопределенность европейского интеграционного проекта препятствует оценке роли ОВПБ в политической субъектности Евросоюза.

В самом деле, несмотря на то что в учредительных договорах утверждалось, что ОВПБ охватывает «все сферы внешней политики и политики безопасности» (статья J.1 Маастрихтского договора), практика ее реализации показывала, что этому направлению деятельности объединения далеко до целостной политики. Для этого отсутствуют необходимые предпосылки — прежде всего *надгосударственный суверенитет Союза*. Для того чтобы ЕС обрел собственную внешнюю политику, он, следуя доводам реалистов, должен быть способен решать вопросы войны и мира, иметь в своем распоряжении вооруженные силы, обладать правом вступать в военно-политические союзы. Учредительные договоры даже близко не подошли (и, судя по всему, не пытались) к определению внешнеполитических полномочий ЕС подобным образом.

Более того, создание правдоподобной иллюзии наличия общей внешней политики лишь усилило бы когнитивный разрыв между ожиданием, что Евросоюз будет действовать как государство, и его реальными возможностями [Hill 1993: 315; McCormick 2007]. Преодоление такого разрыва возможно путем дальнейшей политической унификации интеграционного об-

разования и расширения спектра его внешнеполитических инструментов, в том числе в сфере безопасности и обороны. Однако ЕС, как свидетельствуют результаты последнего «большого реформирования» в Лиссабоне, не демонстрирует тенденции к формированию институциональной способности проводить единую внешнюю политику [Helwig 2013].

Значительных изменений также не принесло наделение его правосубъектностью (статья 47 Договора о Европейском Союзе). Лиссабонский договор подтвердил межгосударственную природу ЕС, принципиально отличную от формата как федерации, так и конфедерации [Thürer, Marro 2012: 61]. Декларация о правосубъектности ЕС обязывает его действовать в рамках компетенций предоставленных государствами-членами. Таким образом, она остается производной от государственной и имеет специальный характер, поскольку ограничена целями и полномочиями, закрепленными в учредительных документах.

Существенные отличия в характере международной деятельности ЕС и внешней политики государств в контексте дихотомии «международная организация — государство» не оставляет пространства для его толкования как субъекта международных отношений и вынуждает нас отнести его к первой из двух групп.

ЕС, несомненно, способен оказывать влияние на действия и ожидания других международных игроков. Его международное присутствие формируется как на основе его ресурсного потенциала, так и с учетом восприятия его важности другими участниками мировой политики. Несмотря на периферическую пассивность объединения на международной арене, сам факт существования такого мощного таможенного и валютного союза оказывает значительное влияние на интересы третьих сторон. Как следствие, ЕС играет активную роль в отдельных сферах политики, а наличие огромного совокупного силового потенциала, объединенного единой наднациональной структурой может создавать впечатление, что ЕС действует по аналогии с государством.

Несмотря на то что ресурсы и инструменты ЕС недостаточны для того чтобы действовать как полюс мировой системы, тем более как противовес США [Hadfield, Fiott 2013], он старается компенсировать недостаток военного потенциала другими внешнеполитическими инструментами, полагаясь на «мягкую силу», экономический потенциал, а также на многосторонние дипломатические усилия — как собственные, так и наиболее влиятельных его членов, нередко выступающих от лица Союза (как, например, Франция в ходе шестидневной операции по принуждению Грузии к миру, или Германия в тандеме с Францией в контексте нынешней украинской ситуации). Разрыв, который возникает между США, как одним из полюсов силы в мире, и ЕС, который не способен быть центром силы в традиционном понимании, как раз есть результат отказа последнего от силовой модели международной политики.

В контексте реалистского подхода ЕС не может рассматриваться как элемент международной системы и субъект силовой политики, поскольку он лишен монополии на легитимное применение силы. Вместе с тем его перспективы будут определяться динамикой и вектором внутренних интеграционных процессов. В случае усиления централизации ЕС имеет шансы превратиться в квазигосударственное образование. Однако даже после окончательной институционализации имеющихся форм межгосударственного взаимодействия ЕС продолжит обладать лишь ограниченным объемом автономии — и только в сферах делегированных полномочий.

2

Либеральная традиция, как и реализм, относит ЕС к международным институтам, но иначе интерпретирует его роль в политических отношениях. Согласно ее представителям, международные негосударственные субъекты, в том числе учрежденные государствами для проведения воли последних, способны, тем не менее, оказывать существенное автономное влияние на

мировые политические процессы и даже менять характер отношений в системе, смягчая условия международной анархии. Таким образом, статус ЕС как влиятельного международного игрока, с точки зрения либералов, не вызывает сомнения, однако авторы либерально-идеалистического направления выражают различные видения относительно генезиса и перспектив его политической субъектности.

Представители одной из ключевых школ либеральной парадигмы, *либерального институционализма*, разделяя гипотезу реалистов относительно принципов организации международных отношений, по-другому подходят к рассмотрению роли международных институтов. Сторонники данного направления утверждают, что сотрудничество и интеграция между государствами возможны и без наличия государства-гегемона, гарантирующего достигнутые договоренности. Более того, международные формы сотрудничества между государствами, такие, как международный режим или международная организация, смягчая действие анархичной среды, способны влиять на определение национальных интересов и содействуют формированию привычки сотрудничать [Powell, DiMaggio 1991]. Результатом становится укрепление доверия и стабильности в мировой политике, ведущей характеристикой которой при этом по-прежнему остается анархия.

В этом ракурсе Евросоюз предстает как международный институт, который при помощи совместно выработанных норм влияет на характер и тематику сотрудничества между государствами [Young 1994]. Действительно, процессы международного сотрудничества в Западной Европе и их институционализация в форме ЕС внесли существенные изменения в организацию межгосударственного взаимодействия. Наиболее важным результатом интеграции стала исчезающе малая вероятность использования военной силы между его государствами-членами.

Уровень институционализации в ЕС служит для либералов наглядным свиде-

тельством возможности преодоления барьеров для сотрудничества, на которые указывают реалисты. Кроме того, рост уровня межгосударственного взаимодействия и процессы глобализации делают международные институты еще более важными, поскольку они «способны содействовать сотрудничеству путем решения “конфликтов распределения”» [Keohane, Martin 1995: 45]. Конечно, система сотрудничества, которая возникает в ЕС, не может ликвидировать последствия международной анархии, однако она предоставляет дополнительные возможности и побуждает реализовывать общие интересы.

Европейский Союз дает средства для стабилизации ожиданий относительно намерений и поведения стран в процессе взаимодействия [Keohane, Nye 1993: 288]. Органы ЕС могут играть существенную роль в формировании предпочтений своих государств-членов, даже несмотря на то что они действуют как «рациональные эгоисты», руководствуясь собственными интересами. Часто государства рассматривают ЕС исключительно как средство достижения целей, но нынешний уровень интеграции под влиянием общих правил и практик заставляет их по-другому определять эти свои интересы. Наиболее яркий пример трансформации традиционного способа ведения внешней политики под влиянием интеграции — пример Германии, национальные интересы которой во все большей степени определяются в экономических и миротворческих терминах, нежели в терминах военной силы и доминирования, как в конце XIX — начале XX веков [Keohane, Nye 1993: 15-16].

Другие теории либеральной парадигмы обращаются к редукционистскому пониманию природы политической субъектности ЕС. Р. Кохейн и Дж. Най утверждают, что создание европейских интеграционных структур представляют собой следствие роста взаимозависимости, а ЕС нужно рассматривать как политическую структуру, которая в отличие от национального государства более приспособлена к условиям глобализации.

Транснациональные потоки делают современные общества взаимозависимыми, что вносит существенные изменения в понимание «национального интереса» [Keohane, Nye 1977]. Они уменьшают готовность государств использовать силу, поскольку последствия становятся слишком ощутимыми как для граждан, так и стран в целом. Как следствие, вопросы безопасности теряют свое первоначальное значение и начинают уступать экономическим мотивам. Сложность контроля над экономическими и политическими процессами в пределах государств стимулирует объединение политических ресурсов в создании международных институтов. Результатом является тенденция к построению европейских интеграционных структур на региональном уровне и уменьшение политической лояльности к национальным государствам.

Ключевым достижением ЕС как международного института представляется изменение отношения к международному, особенно региональному, взаимодействию, которое более не сводится к получению немедленных утилитарных преимуществ, а отвечает долгосрочным интересам европейцев. Доминирование общего над национальным дает основание рассматривать Евросоюз как новое сообщество безопасности, которое возникло как результат демократизации европейских государств после Второй мировой войны. В этой связи Г. Тейлор утверждал, что ЕС сделал существенный вклад в формирование общей ментальности, которая минимизирует подозрительность, геополитическое соревнование и фактор насилия между странами [Taylor 1994: 156-157].

Теория комплексной взаимозависимости, развиваемая Кохейном и Наем, не рассматривает Евросоюз в качестве отдельного политического игрока и не видит потребности в формировании единой внешней политики или даже объединенной позиции государств-членов в мировых делах. С их точки зрения, одинаковую важность имеют все уровни и сферы международной деятельности, как и субъекты, которые их представляют. В то же время все они объе-

динены в рамках ЕС и образуют единую, неразрывную систему, в которой, однако, разные вопросы имеет различный ранг приоритетности. Так, международная среда и процессы глобализации подталкивают к интеграции внешнеэкономической политики ЕС, и этим страны-участницы озабочены в первую очередь, в то же время объединение военных потенциалов не стоит на повестке дня, поскольку остается прерогативой правительств отдельных государств-членов. В новых условиях Евросоюз как сообщество либеральных демократических государств в своей международной деятельности стремится проецировать принципы, на которых он был основан, а также создает нормативные рамки для поведения государств-членов на мировой арене.

Редукционистское толкование природы интеграционного процесса дает основание представителям либеральных теорий рассматривать ЕС как международный режим, что предполагает наличие стабильных образцов взаимозависимости между субъектами, а также достижение согласия по вопросу создания общих структур обеспечения их интересов [Gehring 1996: 231-232]. Основным признаком режима становится наличие договоренностей, описывающих правила, нормы и процедуры поведения.

При рассмотрении ЕС в рамках *теории международных режимов* следует отметить важную роль достигнутых международных договоренностей и наднациональных органов, которые выполняют роль их гарантов. Как отмечает Р. Кохейн, договоренности являются «одноразовым выстрелом», в то время как смысл режима заключается в том, чтобы способствовать долгосрочному их поддержанию [Keohane 1983]. В то же время, как справедливо отмечают С. Хаггард и Б. Симмонс, режимы не следует отождествлять исключительно с международными институтами, которые обеспечивают «сообщение для конвергирующих ожиданий и образцов поведения или практик» [Haggard, Simmons 1987: 496].

Режимы призваны помогать «институционализации» части международной жизни, однако некоторые институты, напри-

мер баланс сил, не предусматривают наличие прав и правил. Кроме того, режим рассматривается как часть нормативного измерения международной политики, охватывает принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, вокруг которых в конкретной области международных отношений аккумулируются ожидания игроков [Orsini, Morin, Young 2013: 29].

Следует отметить, что режимы становятся результатом взаимодействия многих субъектов разных уровней. Более того, они не могут становиться самоцелью их взаимодействия, а лишь способствуют ему. Вместе с тем уже созданные режимы способны оказывать существенное влияние на поведение игроков.

ЕС как международный режим, по мнению Э. Моравчика, имеет значимые особенности в сравнении с классическими образцами. «ЕС отличается от многих международных режимов, по крайней мере, двумя признаками: объединением национальных суверенитетов и делегированием национальных полномочий полуавтономным центральным институтам» [Moravcsik 1993: 509]. Попытка уловить особенности внутреннего построения ЕС неизбежно приводит к синтезу теоретических моделей не только в рамках либеральной парадигмы, но и с использованием реалистских установок. Так, перенос национального суверенитета на наднациональный европейский уровень требует учета особенностей межгосударственной политики государств-членов ЕС. В свою очередь, изучение процедур выработки политики в теоретическом плане ведет к использованию опыта либерального институционализма.

Думается, что при осмыслении роли ЕС на мировой арене полезно понимать объединение как целую совокупность международных режимов, в рамках которых государства договариваются о нормах, правилах и институтах [Sakwa 2012]. Процесс международного взаимодействия охватывает разные сферы не только экономическую, социальную, гуманитарную, но и политическую. В результате происходит формирование политического союза и на-

блюдается использование центральных институтов ЕС для обеспечения интересов многих национальных игроков.

Европейская интеграция в трактовке либералов переросла стадию обычного сотрудничества государств для реализации политических и военно-стратегических целей. Такая форма взаимодействия имела место в середине прошлого века, после Второй мировой войны, когда бывшие враги объединили свои усилия для недопущения повторения вооруженной конфронтации в Европе. Сегодня использование общего европейского потенциала на основе конвергенции интересов и поиска компромиссов более выгодно, чем бесперспективная максимизация национальных целей. На мировой арене ЕС формирует единый фронт, мотивированный тем, что такая коалиция будет лучше представлять интересы отдельных стран, чем они сами способны это сделать по отдельности. Соответственно, Брюссель выступает в международных отношениях как нейтральный агент, основной задачей которого остается аккумуляция и представление консолидированной позиции государств-членов. Выполнение возложенной на него задач приводит к формированию ограниченного, но тем не менее вполне реального пространства принятия коллективных решений. Вместе с тем, поскольку определение внешней политики ЕС на уровне его центральных институтов означает размывание авторитета национальных правительств и подпитывающей его внутривнутриполитической электоральной легитимности [Gehring, Oberthür, Mühleck 2013], полная автономность Европейского Союза в принципе невозможна.

Несмотря на попытки представителей либерализма отойти от государствоцентристских ограничений и предложить отличное видение системы международных игроков, вопрос типологизации ЕС остается не вполне удачно разрешенным. Так, например, его рассмотрение как международного института действующего на основе централизованного контроля [Keohane, Nye 1972: 380] близко к реалистской интер-

претации и не охватывает многомерной природы объединения. В свою очередь использование плюралистского подхода ставит ЕС в один ряд с многими негосударственными субъектами.

З

Отталкиваясь в своих теоретических обобщениях от реалистской и либеральной парадигм, представители конструктивистской традиции отмечают, что обе они построены на рациональной интерпретации, которая «уместна в отдельных случаях, однако не в целом» [Wendt 1994: 384]. Такие концептуальные предпосылки международно-политического анализа, как анархичность международной системы, первенство государств, ограниченность международных институтов, неспособны принципиально объяснить динамику интеграционного процесса в Европе и природу ЕС.

В отличие от неореалистов, которые определяют структуру международной системы как отражение распределения материальных сил, и неолибералов, которые подходят к международной системе с точки зрения деятельности различного уровня субъектов и институтов, представители конструктивистского направления считают, что социальные структуры нельзя сводить к независимым друг от друга участникам международных отношений. Структуры не определяют поведение агентов, а создают «условия для действий» или отдельные шаблоны возможностей и сдерживающих факторов, в рамках которых происходит взаимодействие. Влияние анархии и силы на поведение государств зависит от субъективного восприятия участников мировой политики самих себя и друг друга, а также их ожиданий. Вступая во взаимодействие, они формируют международную систему и воспроизводятся как государства этой же системой. Именно поэтому статус и роль международных субъектов зависит от норм и степени их приемлемости [Wendt 2007].

Рационалистские подходы, с точки зрения конструктивистов, создают искаженную картину ЕС, трактуя его как меж-

дународную организацию или политический союз. Государствоцентризм и индивидуализм рационального (либерального) институционализма отбрасывают возможность сотрудничества, интеграции и создания международных институтов как проявления доброй воли, общих ценностей и лояльности. В свою очередь, представители конструктивизма утверждают, что международные институты и правила составляют совокупность возможностей, поэтому не должны рассматриваться как окончательный продукт деятельности государств или инструмент продвижения их стратегических интересов. Созданные международные структуры способны «жить своей собственной жизнью, которую чрезвычайно трудно контролировать их архитекторам» [Wind 1997: 33].

Контекст социального взаимодействия позволяет рассмотреть Евросоюз как среду, в которой формируются политики, трансформируются идентичности и определяются интересы разных участников сотрудничества. Он выступает как международное сообщество или политическое образование, которое конструируется на основе общих идентичностей и значений. По мнению А. Вендта, ЕС можно концептуализировать как «государство в континууме государственности», для которого характерна децентрализация власти [Wendt 2007: 308]. Более того, деятельность ЕС побуждает к переосмыслению концепта государства и возникновению таких ее пониманий, как «региональное государство», «международное государство» [Cox 1986; Picciotto 1991; Saragaso 1996], «постмодерное государство» [Ruggie 1993]. Участие такого необычного субъекта, как ЕС, в международных процессах приводит к постепенному изменению всей международной системы, у которой появляется шанс вступить в «постанархичный» период [Wendt 2007: 308].

Свидетельством уменьшения роли традиционных государств в Европе стало появление на уровне ЕС новых форм управления. Ж. Метлери утверждает, что государства перестают быть сугубо национально-ориентированными субъектами потому,

что границы между ними становятся вымышленными распределительными линиями, значение которых постепенно уменьшается [Matlary 1995]. Этому содействуют процессы регионализации внутри государств и перенесение национальных политик на европейский уровень. Как следствие, ЕС становится следующей по значению ареной для определения политики после национального и местного уровней, что усиливает наднациональную структуру и ослабляет национальные правительства.

Конструктивисты соглашаются с либералами в том, что усилению роли ЕС способствуют процессы глобализации. Интернационализация функциональных систем, например экономической сферы, уменьшает пространство возможности для действий государства и ведет к необходимости расширения сферы международного регулирования. В свою очередь дифференциация обществ приводит к потере государствами абсолютного контроля внутри страны, поскольку функциональные системы и сети развивают свой внутренний механизм и все меньше поддаются влиянию со стороны государств. В результате становится невозможным, чтобы одна система, например, политическая, доминировала над другой, например, экономической. Иерархия как основной принцип управления сменяется децентрализованной координацией управления [Jachtenfuchs, Kohler-Koch 2004]. Дифференциация обществ и глобализация содействуют продвижению по пути создания политической организации, которую все труднее описывать с помощью концепта суверенного государства [Jacobson 1984].

Пример ЕС показывает, что в рамках государствоцентричной международной системы могут формироваться транснациональные формы идентичностей, которые стремятся к самоутверждению и равноправному существованию. Идентичности могут возникнуть как результат социализации, поскольку общность сконструированных норм и интенсивные взаимодействия формируют чувство единства. В случае ЕС это означает укрепление наднациональной

идентичности европейцев на массовом и элитарном уровне, что способствует более убедительной репрезентации Евросоюза в качестве автономного субъекта мировой политики. Кроме того, идентичности также могут формироваться и усиливаться через процесс конструирования «Другого» [Wendt 1994: 384].

Выстраивая свою систему ценностей, ЕС опирается на образ прошлого, определяет себя и свое будущее как альтернативу геополитическому противостоянию, которое привело к мировым войнам, а также позиционирует себя как нормативную силу [Manners 2013]. Как следствие, поствестфальское «объединение суверенитета» в Евросоюзе значительным образом влияет на характеристики его международного поведения.

Концепт «Другого» тесно связан с такими аспектами субъектности, как автономность и обособленность, поскольку принципы и нормы, развивавшиеся внутри объединения, могут также формировать линии поведения во внешней политике. Стремление последовательно конструировать «европейский голос», которому можно *доверять* в мировой политике, становится важным этапом формирования международной способности ЕС. Одним из шагов в этом направлении стало начало Европейского политического сотрудничества и принятие Декларации европейской идентичности, в которой постулировалась «общность традиций европейских стран» [Declaration on European Identity 1974: 118].

Разумеется, вопрос идентичности в контексте международной субъектности ЕС касается в первую очередь восприятия его другими международными игроками. Эту форму идентичности И. Мэннерс и Р. Витман определяют как международную [Manners, Whitman: 2003]. По их мнению, ЕС может быть концептуализирован как «многопроекционное сообщество» для которого характерны размытые внешние границы, многоуровневые структуры управления, большое количество межрегиональных связей.

Следует отметить, что применение к ЕС термина «многопроекционное сообщество»,

было связано с поиском обозначения для нового политического образования на региональном уровне, которое находится над государствами, однако не заменяет их. В этой связи ЕС представляет собой сообщество, наднациональные и межгосударственные структуры которого объединяют национальные системы «во вполне дееспособное образование» [Ruggie 1993: 172]. Оно предусматривает, помимо прочего, формулирование государствами-членами ЕС своих интересов *исходя из участия в этом сообществе*, что представляется существенным отклонением от традиционной концепции формирования государственных интересов.

Система ценностей, определившая становление ЕС, существенным образом отражается на его характеристиках как международного субъекта. Исходное и во многом вынужденное, ситуативно обусловленное утверждение своей международной роли как альтернативы традиционной силовой политики привело к тому, что со временем ЕС стал сознательно усиливать нормативную составляющую его международного поведения. Брюссель предпочитает представлять себя как экспортера ценностей и взглядов и как «двигателя изменений» в международных отношениях. Он старается перенести свое внутреннее устройство и систему управления на других субъектов [Diez, Manners, Whitman 2011], [Rosamond 2014]. Эта логика была и продолжает оставаться легитимизирующей основой европейской интеграции, в которой мир и уважение к демократическим ценностям преобладают над силовой политикой [Diez 2013].

Рассмотрение ЕС как международного субъекта невозможно отдельно от его государств-членов. Европеизация не только изменяет содержание и проявления национальных политик государств-членов, но и приводит к конструированию общеевропейского политического контекста. Процесс, который определен как «брюсселизация» [Allen 1998] или «брюссельский интергouverнментализм» [Howorth 2012], вносит значительный вклад в конструирование национальных внешних политик го-

сударств-членов и приводит к изменению их содержания. В свою очередь, институциональная координация политик с помощью практик и структур ЕС, общая информационная база, общая повестка дня и структуры принятия решений создают коллективного международного игрока.

Таким образом, становление ЕС стимулирует динамическое взаимодействие между новыми политическими субъектами, которые появляются в результате изменения внутренних и международных структур. Евросоюз содействует трансформации значений и практик, на основе которых построена международная система. Уже сам факт его существования бросает вызов принципам организации международной системы, таким, как суверенитет и территориальность. Вместе с тем формализация неформальных практик, которые ЕС вносит в современную международную политику, по определению проблематична.

* * *

Попытки квалифицировать Европейский Союз в русле и в терминах основных парадигм международных исследований не только подтверждают влияние теоретикометодологической призмы на оценку реальности, но и демонстрируют объективную сложность природы ЕС. Анализ его отдельных аспектов приводит к различным выводам относительно характеристик данного международного субъекта.

С одной стороны, сосредоточенность основных парадигм международных отношений на государстве как первичном игроке, и рассмотрение остальных субъектов как вторичных — то есть производных от воли государств, реализующих их интересы, ведет к невозможности органичного включения ЕС в имеющиеся теоретические модели. С другой стороны, стремление к редукционистскому толкованию природы международных субъектов, что характерно для отдельных подходов в рамках либеральной парадигмы, также основывается на традиционной государственноцентрической классификации. В результате, несмотря на все особенности, Евросоюз попадает в одну

категорию с такими международными субъектами, как транснациональные компании или группы интересов.

Противопоставление структуралистского и индивидуалистского подходов происходит из-за того, что каждый из них упрощенно оценивает переменные конкурирующего подхода. Так, структуры в индивидуалистском подходе рассматриваются как неустойчивые и постоянно меняющиеся в процессе взаимодействия игроков, в то время как в холистской модели субъекты предстают ограниченными в своих действиях.

Нерешенность вопроса детерминант деятельности международного субъекта в контексте дихотомии структуры и агента становится причиной отсутствия удовлетворяющего объяснения международной субъектности ЕС. Как следствие, политическая деятельность объединения остается сферой, которая находится «вне международных отношений» [Long 1997: 187], поскольку буквальное следование государственноцентричным принципам теорий международных отношений подталкивает к сосредоточенности на взаимодействии государств и приводит к игнорированию политического сообщества, которое принимает участие в решении важных вопросов мировой политики.

Возможным выходом из сложившегося теоретического тупика в определении ЕС как международного субъекта может стать предположение о существовании многих взаимосвязанных переменных, которые определяют способность объединения быть субъектом мировой политики. Поскольку моделирование свойств международного субъекта исключительно на основе выяснения единства с международной системой оказывается непродуктивным стоит подойти к рассмотрению этого вопроса на основе онтологического равенства международной системы и агента. Это даст возможность отказаться от априорного отождествления политического субъекта с государством и преодолеть дихотомию «государство — международная организация» в концептуализации ЕС как международного игрока.

Список литературы

- Allen D. Who speaks for Europe?: the search for an effective and coherent external policy / A Common Foreign Policy for Europe? Competing visions for the CFSP // John Peterson, Helene Sjursen (eds.). London: Routledge, 1998. P. 41–58.
- Art R. Why Western Europe Needs the United States and NATO // Political Science Quarterly. 1996. № 111 (1). P. 1–37.
- Bull H. Civilian Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 1982. № 21 (2). P. 149–170.
- Caporaso J. The European Union and Forms of the State: Westphalian, Regulatory or Post-Modern? // Journal of Common Market Studies. 1996. № 34 (1). P. 29–52.
- Cox R. Social forces, states and world orders: Beyond international relations theory / Neorealism and its Critics // R. Keohane (ed.). New York: Columbia University Press, 1986. P. 204–254.
- Declaration on European Identity by the Nine Foreign Ministers, Copenhagen, 14 December 1973 // Bulletin of the European Communities. 1973. № 12. P. 118–122.
- Diez T. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering Normative Power Europe // Millennium – Journal of International Studies. 2005. № 33 (3). P. 613–636.
- Diez T. *Manners I., Whitman R.* The Changing Nature of International Institutions in Europe: the Challenge of the European Union // Journal of European Integration. 2011. № (33) 2. P. 117–138.
- Diez T. Normative power as hegemony // Cooperation and Conflict. 2013. № 48 (2). P. 194–210.
- Doyle M. Kant: Liberalism and World Politics // American Political Science Review. 1986. № 80 (4). P. 1151–1169.
- Gehring T. Integrating Integration Theory: Neo-functionalism and International Regimes // Global Society. 1996. № 10 (3). P. 225–253.
- Gehring T., Oberthür S., Mühleck M. European Union Actorness in International Institutions: Why the EU is Recognized as an Actor in Some International Institutions, but Not in Others // Journal of Common Market Studies. 2013. № (51) 5. P. 849–865.
- Gilpin R. War and change in world politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
- Grieco J. Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the Newest Liberal Institutionalism // International Organization. 1988. № 42 (3). P. 485–507.
- Grieco J. The Maastricht, Treaty, Economic and Monetary Union, and the Neo-Realist Research Programme // Review of International Studies. 1995. № 21 (1). P. 21–40.
- Hadfield A., Fiott D. Europe and the Rest of the World // Journal of Common Market Studies. 2013. № 51. P. 168–182.
- Haggard S., Simmons B. Theories of International Regimes // International Organization. 1987. № 41 (3). P. 491–517.
- Haseclever A., Mayer P., Rittberger V. Theories of international regimes. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 248 p.
- Helwig N. EU Foreign Policy and the High Representative's Capability-Expectations Gap: A question of Political Will // European Foreign Affairs Review. 2013. № 18 (2). P. 235–253.
- Hill Ch. The Capability-Expectations Gap, or Conceptualizing Europe's International Role // Journal of Common Market Studies. 1993. № 31 (3). P. 305–328.
- Howorth J. 2012. Decision-making in security and defense policy: Towards supranational inter-governmentalism? Cooperation & Conflict. № (47) 4.
- Jachtenfuchs M., Kohler-Koch B. Governance and Institutional Development / European Integration Theory // Antje Wiener, Thomas Diez (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 97–115.
- Jacobson H. Networks of Interdependence: International Organizations and the Global Political System. New York: Knopf, 1984. 483 p.
- Kagan R. Paradise and Power: America and Europe in the New World Order. London: Atlantic Books, 2004. 179 p.
- Keohane R. Institutional Theory and the Realist Challenge After the Cold War / Neo-realism and Neo-liberalism: The Contemporary Debate // David A. Baldwin (ed.). New York: Columbia University Press, 1993. P. 269–300.
- Keohane R. The Demand for International Regimes / International regimes // Stephen D. Krasner (ed.). Ithaca: Cornell U.P., 1983. P. 325–355.
- Keohane R. Transnational Relations and World Politics. Cambridge: Harvard University Press, 1972. 428.
- Keohane R., Martin L. The Promise of Institutional Theory // International Security. 1995. Vol. 20 (1). P. 39–51.
- Keohane R., Nye J. Introduction: The End of the Cold War in Europe / After the Cold War: International Institutions and State Strategies in Europe 1989–91 // R.O. Keohane, J.S. Nye, S. Hoffman (eds.). London: Harvard University Press, 1993. P. 1–19.

- Keohane R., Nye J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown, 1977. 273 p.
- Lipson Ch. Reliable Partners. How Democracies Have Made a Separate Peace. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003. 259 p.
- Long D. Multilateralism in the CFSP / Common Foreign and Security Policy: The Record and Reforms // M. Holland (ed.). London: Pinter, 1997. P. 184–199.
- Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. № 40 (2). P. 235–258.
- Manners I. The European Union's Normative Power in a more Global Era // Journal of European Union Studies in Japan. 2013. № (33). P. 33–55.
- Manners I., Whitman R. The "Difference Engine": Constructing and Representing the International Identity of the European Union // Journal of European Public Policy. 2003. № 10. P. 380–404.
- March J., Olsen J. Rediscovering institutions: the organizational basis of politics. New York: Free Press, 1989. 227 p.
- Matlary J. Intervention for Human Rights in Europe. London: Palgrave Macmillan, 2002. 286 p.
- Matlary J. New Forms of Governance in Europe? The Decline of the State as the Source of Political Legitimation // Cooperation and Conflict. 1995. № 30 (2). P. 99–123.
- McCormick J. The European Superpower. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2007. 212 p.
- Mearsheimer J. Back to the future: instability in Europe after the Cold War // International Security. 1990. № 15 (1). P. 5–56.
- Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmental Approach // Journal of Common Market Studies. 1993. № 31 (4). P. 473–523.
- Morgenthau H. Politics among nations: the struggle for power and peace. New York: Knopf, 1948. 489 p.
- Nuttall S. European Political Cooperation. Oxford: Clarendon Press, 1992. 340 p.
- Orsini A., Morin J-F., Young O. Regime Complexes: A Buzz, a Boom, or a Boost for Global Governance? // Global Governance. 2013. № (19) 1. P. 27–39.
- Pedersen T. Germany, France and the integration of Europe: a realist interpretation. London: Pinter, 1998. 229 p.
- Picciotto S. The internationalization of the state // Capital and Class. 1991. № 43. P. 43–62.
- Powell R. Absolute and Relative Gains in International Relations Theory // American Political Science Review. 1991. № 85 (4). P. 1303–1320.
- Powell W., DiMaggio P. The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago: Chicago University Press, 1991. 478 p.
- Puchala D. Of Blind Men, Elephants and International // Journal of Common Market Studies. 1972. № 10 (3). P. 267–284.
- Rosamond B. Three Ways of Speaking Europe to the World: Markets, Peace, Cosmopolitan Duty and the EU's Normative Power // British Journal of Politics and International Relations. 2014. № (16) 1. P. 133–148.
- Rosenau J. Turbulence in world politics: a theory of change and continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990. 480 p.
- Ruggie J. Territoriality and beyond: problematizing modernity in international relations // International Organization. 1993. № 47 (1). P. 139–174.
- Russett B. Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. Princeton: Princeton University Press, 1993. 173 p.
- Sakwa R. Looking for a greater Europe: From mutual dependence to an international regime // Communist & Post-Communist Studies. 2012. № (45) 3–4. P. 315–325.
- Sjursen H. Towards a post-national Foreign and Security Policy? // ARENA Working Paper 4/12. University of Oslo, Centre for European Studies. 2005. 28 p.
- Sjursen H. Understanding the Common Foreign and Security Policy: Analytical Building Blocks / Understanding the European Union's External Relations // M. Knodt, S. Princen (eds.). London: Routledge, 2003. P. 34–53.
- Taylor P. The European Union in the 1990s. Oxford: Oxford University Press, 1996. 204 p.
- Thürer D., Marro P-Y. The Union's Legal Personality: Ideas and Questions Lying Behind the Concept / The European Union after Lisbon: constitutional basis, economic order and external action of the European Union // Hermann-Josef Blanke, Stelio Mangiameli. New York: Springer, 2012. P. 47–70.
- Tonra B. The Europeanisation of national foreign policy: Dutch, Danish and Irish foreign policy in the European Union. Aldershot: Ashgate, 2001. 305 p.
- Waltz K. Theory of international politics. Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co., 1979. 251 p.
- Wendt A. Collective identity formation and the international state // American Political Science Review. 1994. № 88 (2). P. 384–396.
- Wendt A. Social theory of international politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 429 p.

Wind M. Rediscovering Institutions: A Reflectivist Critique of Rational Institutionalism / Reflective approaches to European governance // Knud Erik Jørgensen (ed.). New York: St. Martin's Press, 1997. P. 15–35.

Young O. International Governance. Protecting the Environment in a Stateless Society. New York: Cornell University Press, 1994. 221 p.

POLITICAL “ACTORNESS” OF THE EU?

NIKOLAY GNATYUK

National University of Kyiv–Mohyla Academy, Kyiv, 04655, Ukraine

Abstract

The ability of the European Union to actively interact with other partners in world politics and the unique dynamic of its behavior draw attention to the phenomenon of its “actorness”. The major theoretical approaches substantially disagree on how to evaluate the EU as an international actor. The study of key striking points may be helpful in investigating why there is no substantial progress in this field.

The realist interpretation of the EU is based on the denial of any possibility for a non-state entity to become an international actor because it is deprived of some key characteristics, the most important of which is the ability to use its armed forces. As a result, the EU is classified as an international institutional framework, which helps to prevent a conflict between European countries and provide an opportunity to project their power beyond its borders. Development of the EU as an international actor will depend on its ability to continue the process of political unification: further centralization may lead to the formation of a state-like entity; and vice-versa, the maintaining of the current institutional framework means that the EU would combine its status of being an international organization with the characteristics of an international regime and political union, which has a certain level of autonomy in the areas of delegated competences. At the same time, the EU already has the ability to exercise significant political influence and the potential to change the common way of dealing with international relations (the neoliberal interpretation). The most important consequence of its international presence is the transformation of the concept of national interests. Despite the fact that the system of cooperation within the EU cannot overcome the conditions of international anarchy, it provides opportunities and encourages the implementation of common interests, turning the EU into a powerful global political and economic player. The political challenges of globalization push forward the process of institutional unification on the EU level. The formation of a common system of values, loyalty, and forms of collective identity makes it extremely difficult for the architects to control their new entity. For many constructivist scholars, the political structure of the EU can be compared with the state or is understood as being its postmodern form. The results of this study indicate that key disagreements over the investigated theoretical approaches about the phenomenon of the EU’s “actorness” are associated primarily with a one-sided interpretation of the relationship between the structure of the international system and its elements. A possible solution for this theoretical stalemate could be assumptions about ontological equality between structures and actors/agents. In this case, it opens up a way to find out the extent to which the EU has an “actorness” in the current international system, what in turn allows one to overcome the dichotomy of conceptualizing the EU as a “state-international organization”.

Keywords:

The European Union; international system; actor of international relations; political actorness; realism; liberalism; social constructivism.

References

Allen D. [1998]. Who speaks for Europe?: the search for an effective and coherent external policy. In John Peterson, Helene Sjursen (eds.). *A Common Foreign Policy for Europe? Competing visions for the CFSP*. London: Routledge. P. 41–58

- Art R. (1996). Why Western Europe Needs the United States and NATO. *Political Science Quarterly*. № 111 (1). P. 1–37.
- Bull H. (1982). Civilian Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. № 21 (2). P. 149–170.
- Caporaso J. (1996). The European Union and Forms of the State: Westphalian, Regulatory or Post-Modern? *Journal of Common Market Studies*. № 34 (1). P. 29–52.
- Cox R. (1986). Social forces, states and world orders: Beyond international relations theory. In R. Keohane (ed.). *Neorealism and its Critics*. New York: Columbia University Press. P. 204–254.
- (1973). Declaration on European Identity by the Nine Foreign Ministers. *Bulletin of the European Communities*. № 12.
- Diez T. (2005). Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering Normative Power Europe. *Millennium – Journal of International Studies*. № 33 (3). P. 613–636.
- Diez T. Manners I., Whitman R. (2011). The Changing Nature of International Institutions in Europe: the Challenge of the European Union. *Journal of European Integration*. № (33) 2. P. 117–138.
- Diez T. (2013). Normative power as hegemony. *Cooperation and Conflict*. № 48 (2).
- Doyle M. 1986. Kant: Liberalism and World Politics. *American Political Science Review*. № 80 (4). P. 1151–1169.
- Gehring T. (1996). Integrating Integration Theory: Neo-functionalism and International Regimes. *Global Society*. № 10 (3). P. 225–253.
- Gehring T., Oberthür S., Mühleck M. (2013). European Union Actorness in International Institutions: Why the EU is Recognized as an Actor in Some International Institutions, but Not in Others. *Journal of Common Market Studies*. № (51) 5. P. 849–865.
- Gilpin R. (1981). *War and change in world politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.
- Grieco J. (1988). Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the Newest Liberal Institutionalism. *International Organization*. № 42 (3). P. 485–507.
- Grieco J. (1995). The Maastricht, Treaty, Economic and Monetary Union, and the Neo-Realist Research Programme. *Review of International Studies*. № 21 (1). P. 21–40.
- Hadfield A., Fiott D. (2013). Europe and the Rest of the World. *Journal of Common Market Studies*. № 51.
- Haggard S. Simmons B. 1987. Theories of International Regimes. *International Organization*. № 41 (3).
- Haseclevler A., Mayer P., Rittberger V. 1997. *Theories of international regimes*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 168–182.
- Helwig N. (2013). EU Foreign Policy and the High Representative's Capability-Expectations Gap: A question of Political Will. *European Foreign Affairs Review*. № 18 (2). P. 235–253.
- Hill Ch. (1993). The Capability-Expectations Gap, or Conceptualizing Europe's International Role. *Journal of Common Market Studies*. № 31 (3). P. 305–328.
- Howorth J. (2012). Decision-making in security and defense policy: Towards supranational inter-governmentalism? *Cooperation & Conflict*. № (47) 4. P. 433–453. DOI: 10.1177/0010836712462770
- Jachtenfuchs M., Kohler-Koch B. (2004). Governance and Institutional Development. In Antje Wiener, Thomas Diez (ed.). *European Integration Theory*. Oxford: Oxford University Press. P. 97–115.
- Jacobson H. (1984). *Networks of Interdependence: International Organizations and the Global Political System*. New York: Knopf. 483 p.
- Kagan R. (2004). *Paradise and Power: America and Europe in the New World Order*. London: Atlantic Books. 179 p.
- Keohane R. (1993). Institutional Theory and the Realist Challenge After the Cold War. In D. Baldwin (ed.). *Neo-realism and Neo-liberalism: The Contemporary Debate*. New York: Columbia University Press. P. 269–300.
- Keohane R., Nye J. (1993). Introduction: The End of the Cold War in Europe. In R. Keohane, J. Nye, S. Hoffman (eds.). *After the Cold War: International Institutions and State Strategies in Europe 1989–91*. London: Harvard University Press. P. 1–19.
- Keohane R., Nye J. (1977). *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown.
- Keohane R. 1983. The Demand for International Regimes. In Stephen D. Krasner (ed.). *International regimes*. Ithaca: Cornell U.P. 273 p.
- Keohane R., Martin L. (1995). The Promise of Institutional Theory. *International Security*. Vol. 20 (1). P. 39–51.
- Keohane R. (1972). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge: Harvard University Press.
- Lipson Ch. 2003. *Reliable Partners. How Democracies Have Made a Separate Peace*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 428 p.
- Long D. (1997). Multilateralism in the CFSP. In M. Holland (ed.). *Common Foreign and Security Policy: The Record and Reforms*. London: Pinter. P. 184–199.
- Manners I. (2002). Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. № 40 (2). P. 235–258.

- Manners I., Whitman R. (2003). The "Difference Engine": Constructing and Representing the International Identity of the European Union. *Journal of European Public Policy*. № 10. P. 380–404.
- Manners I. (2013). The European Union's Normative Power in a more Global Era. *Journal of European Union Studies in Japan*. № [33]. P. 33–55.
- March J., Olsen J. (1989). *Rediscovering institutions: the organizational basis of politics*. New York: Free Press. 227 p.
- Matlary J. (1995). New Forms of Governance in Europe? The Decline of the State as the Source of Political Legitimation. *Cooperation and Conflict*. № 30 (2). P. 99–123.
- Matlary J. (2002). *Intervention for Human Rights in Europe*. London: Palgrave Macmillan. 286 p.
- McCormick J. (2007). *The European Superpower*. Houndmills: Palgrave Macmillan. 212 p.
- Mearsheimer J. (1990). Back to the future: instability in Europe after the Cold War. *International Security*. № 15 (1). P. 5–56.
- Moravcsik A. (1993). Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmental Approach. *Journal of Common Market Studies*. № 31 (4). P. 473–523.
- Morgenthau H. (1948). *Politics among nations: the struggle for power and peace*. New York: Knopf. 489 p.
- Nuttall S. 1992. *European Political Cooperation*. Oxford: Clarendon Press. 340 p.
- Orsini A., Morin J-F., Young O. (2013). Regime Complexes: A Buzz, a Boom, or a Boost for Global Governance? *Global Governance*. № (19) 1. P. 27–39.
- Pedersen T. (1998). *Germany, France and the integration of Europe: a realist interpretation*. London: Pinter. 229 p.
- Picciotto S. (1991). The internationalization of the state. *Capital and Class*. № 43. P. 43–62.
- Powell R. (1991). Absolute and Relative Gains in International Relations Theory. *American Political Science Review*. № 85 (4). P. 1303–1320.
- Powell W., DiMaggio P. (1991). *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: Chicago University Press. 478 p.
- Puchala D. (1972). Of Blind Men, Elephants and International. *Journal of Common Market Studies*. № 10 (3). P. 267–284.
- Rosamond B. (2014). Three Ways of Speaking Europe to the World: Markets, Peace, Cosmopolitan Duty and the EU's Normative Power. *British Journal of Politics and International Relations*. № (16) 1. P. 133–148.
- Rosenau J. 1990. *Turbulence in world politics: a theory of change and continuity*. Princeton: Princeton University Press. 480 p.
- Ruggie J. (1993). Territoriality and beyond: problematizing modernity in international relations. *International Organization*. № 47 (1). P. 139–174.
- Russett B. (1993). *Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World*. Princeton: Princeton University Press. 173 p.
- Sakwa R. (2012). Looking for a greater Europe: From mutual dependence to an international regime. *Communist & Post-Communist Studies*. № (45) 3–4. P. 315–325.
- Sjursen H. (2005). *Towards a post-national Foreign and Security Policy?* ARENA Working Paper 4/12. University of Oslo, Centre for European Studies. 28 p.
- Sjursen H. (2003). Understanding the Common Foreign and Security Policy: Analytical Building Blocks. In M. Knodt, S. Princen (eds.). *Understanding the European Union's External Relations*. London: Routledge. P. 34–53.
- Taylor P. (1996). *The European Union in the 1990s*. Oxford: Oxford University Press. 204 p.
- Thürer D., Marro P-Y. (2012). The Union's Legal Personality: Ideas and Questions Lying Behind the Concept. In Hermann-Josef Blanke, Stelio Mangiameli (ed.). *The European Union after Lisbon: constitutional basis, economic order and external action of the European Union*. New York: Springer. P. 47–70.
- Tonra B. (2001). *The Europeanisation of national foreign policy: Dutch, Danish and Irish foreign policy in the European Union*. Aldershot: Ashgate. 305 p.
- Waltz K. (1979). *Theory of international politics*. Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co. 251 p.
- Wendt A. (1994). Collective identity formation and the international state. *American Political Science Review*. № 88 (2). P. 384–396.
- Wendt A. (2007). *Social theory of international politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 429 p.
- Wind M. (1997). Rediscovering Institutions: A Reflectivist Critique of Rational Institutionalism. In K. Jørgensen (ed.). *Reflective approaches to European governance*. New York: St. Martin's Press. P. 15–35.
- Young O. (1994). *International Governance. Protecting the Environment in a Stateless Society*. New York: Cornell University Press. 221 p.